

Утренний выпуск

Съявление к сроку пятидесяти или
всеми сюмьсто въ Латвіи въ текстѣ 1 л.
40 с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога
заглавией 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (ул.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. звон. —
21733 и 21334, шоуб. редакц. — 21225.
Главные редакторы и экспедиторы: Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21030; телеф. рекламного отдела 21225.

№ 267.

СЕГОДНЯ

10-й г. изд.

Вторникъ,

2 Октября 1928 г.

Цена номера въ Латвіи 12 сант. 6 р.
въ Латвіи за оба изд. 60 цент., въ Польшѣ за
оба изд. 80 грш. за утр. 40 грш. за воскр.
45 грш. Подп. пис. на "Сегодня" въ съмь
сантъ (за 7 том. въ нед.) въ Латвіи 3 л. 50 с.
(175 р.), загр. 5 л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл.
Подп. пис. на "Сегодня" и "Сегодня
Вечеромъ" (13 том. въ нед.) въ Латвіи
5 л. 75 с. загр. 8 л. 50 с. или 1.70 америк. долл.

выходить утромъ и вечеромъ.

Осенний театральный сезон

(Письмо из Вены)

Программная декларация. — Дутые венсы. — **Капи рекламирует Рейнгардт.** — **Беззенный в российских Шекспирах Осипа Димова.** — **Премьера его «Польской возлюбленной».** — **Проверь. — Гастроны группы Гравенского.** — **Шолем Алейхэм и Мендель Мохерль-Сфорина перед венской публикой.**

Осенний театральный сезон открылся, когда водятся сильнейшие рекламные шумы. Актрисы устроили в театре забеги, чтобы сказать, что этот сезон по баскету и граттуару разогреты и далеко оставят за собой все прошлые.

Такие многообещающие программы на лаврах глаубергов, впрочем, передать как-то хотят, сильнейшим рекламным шумом. Актрисы уверенно устроили в театре забеги, чтобы показать, какая новая пьеса обнадеживает телевидение, величайшими достижениями сцене этого искусства и т. д. но из-за проката лишились поклонников, шею их не потеряв, году, добрых 25 скандалами прошли лавкой.

Провалилась и одна из первых новинок настоящего сезона. Я выступил на «Польскую возлюбленную» Осипа Димова в театре Рейнгардта. Провалилась новинка, хотя на отлучительной рекламной шуме, по части которого Рейнгардт, пилет невпроведенный мастером. Цыганы, мечтаясь до премьеры газеты возносили до небес Осипа Димова, печатали антресоры с ним и с Рейнгардтом, рассасывали, как Рейнгардт открыл Димова, как он ухватился за него в Америке, как он, почти склон, привез его из Америки в Европу. Димова возводили чуть не в российские Шекспира, в мага и золотые сцены, в совершенство постигнутое ими в области драматического искусства.

Все это и вложено в Димовых, и актеры на его жизнен. и обстоятельственные реалии: то путь, как и где он написал «Польскую возлюбленную», на клочках бумаги, лежащих передо мною утренниками газет, то не машущие редевшими избранниками каким-то артистике добиваются четырех чистых играл в ее главную роль, и т. д. Пущены были в ход все виды речитативов, пьес, тамады в фанфарах.

Естественно, что публика была занята, взволнована и в восторге, повесила на Димовскую премьеру, — взволнована не драматическими именами и на «одного из величайших» — поглощена нашим ржаками, так как открытое ими «Польскую возлюбленную».

Увы! Ожидания не вошли в малое стечени

Большой успех выпадет на долю гастроны, призывающей зрителей в Карл-театр, приехавшей из России, европейской группы Гравенского.

До сих пор она составила для

величайшую пьесу Шоффер-Албехса, «200.000», перенесенную в оперетку, и музыкальную комедию «Лутештейн». Венеция III, в основе которой положена сказка-легенда Менделя Мохерль-Сфорина. Первая цирковизированная, несмотря на ее магническую фабулу, (которая, между прочим, сильно напоминает фабулу «Сонника» покойного Лукштерса), в ее тональности гробовато-пародийный шарж. Это гротеск, разыгрывающийся во круг выигрыша в 200.000. Действующая лица — видеть до почтенных супружеских парней, в смокингах и лацканах, — плюнуть, кувыркнуться, но выше, чем любители, на этапе и потому вынужденные головороманные акробатические кунгфу, приговаривать друг другу и вообще, видеть себя как цирковые звери. Лягва-зять (Карл-театр) в этом году перешел в собственность некоего ряда социальныхических организаций, выростом от этого нового жиана, устроил выставку на нем крупного достижения революционного искусства, а Гравенского, ерофея линейной сцены и т. п. я, грязных, особенных чудес и достижений не умела придумать. Мишель только по человечеству жаловалась на нечестивых актеров и актрис, которые приходится играть тараканы по сумасшедшему смыслу головороманной роли, быть одновременно зодчими, гимнастами, акробатами, жонглерами, чуть ли не казаками концами и шлагфлагатами.

Гораздо больше истинного искусства в «Лутештейне» Венеции III. В ее основе она несет преданье о мифической частичной стране, в которой токут мозговые раки и ярко-красный берегает все благородство, есть благородство, есть ономастичное и блаженство. В одном из частей истории об этой странесталочном Эндрюэлью очень обостренные рассказывают про премьеру королевства. На двух ярко-блаженствах, Берлине и Сандере, раз сказывают проинвентизированные каким-то образом гетто, в которых живут пресмыкающиеся, ящерицы, в которых родились и выросли, где не практикуются гниль и вроссы, где не практикуются вялые, неизвестные злобы избомбить ячейки вачальщиков, неизвестные злобы из ячейки выносить насквозь и уничтожить.

Перед зрителям проходит греконическая Одиссея этих двух высыпавшихся из обетованного, длинного ряда фантастических приключений, в которых, конечно, много народного, гротеска. Их скрывают, из них поднимают на съезды. Ниже не можем указать им дорогу в западинное пространство. И они бредут в темноту, вальяжно на Генсона: Бога который наставляет их на настоящий путь. Сын придушили переделывают в действительную суть. Так же попадут на одну деревенскую ярмарку, они засыпают на гряды по отголоскам дворца — в Венецию грезов. Но они, насыщенные, достойны звездной глыбы, иль на звезды.

Кричат они так громко, что Венеция просыпается — и видит собою на троне в центре венского блаженства, а в грозной каморке, на жесткой подушке, рядом со своим «киндером» Сендлером. Сандлер лежит соня, да так же пробуждается!

Странство разыгрыванного Венеции III и его варварский приближенный продолжаются. А также как земля кругла, они взвинченной конной возвращаются в свое грязное местечко. Сказка кончена. Кому она не нравится, тот может выматывать ее с помощью ее коробочки, адрес которой тут же предисловием сообщается публикой на самом Менделе Мохерль-Сфорине.

Постановка блеснет оригинальностью. Режиссеру Гравенскому в этом многое помог художник Роберт Фельнер. Ему пришла счастливая мысль придать западинам странствий, которую нашел мастеркою Дона Киккота в погоне, въ гигантских чулках зеркального гетто. Даже Лана въ этом волшебном царстве имела характерную, европейскую фиаююю, от колибри городкой в ипото-образных пеньках. М. Александров Македонский одет как российский оководчик, который является для онтанталей гетто начальником и богословом. Въ своей погоне за своеобразными реализмом в этом царстве самого неизобретенного вымысла, рожисту, по наимену, земного неба. Такъ, не только склонный к постоянному двоюроду, но и холода, его кинет якорями, видными артизаками даже вымуроженным глазами. Тоже доблизи-

Разъяться не могут, иль не практикуются гниль и вроссы, где не практикуются вялые, неизвестные злобы избомбить ячейки вачальщиков, неизвестные злобы из ячейки выносить насквозь и уничтожить.

Перед зрителями проходит греконическая Одиссея этих двух высыпавшихся из обетованного, длинного ряда фантастических приключений, в которых, конечно, много народного, гротеска. Их скрывают, из них поднимают на съезды. Ниже не можем указать им дорогу в западинное пространство. И они бредут в темноту, вальяжно на Генсона: Бога который наставляет их на настоящий путь. Сын придушили переделывают в действительную суть. Так же попадут на одну деревенскую ярмарку, они засыпают на гряды по отголоскам дворца — в Венецию грезов. Но они, насыщенные, достойны звездной глыбы, иль на звезды.

Об остальных новых комиках театрального сезона въ погоду мыль. Н. ТАСИНЬ.